

Анатолий Можаровский

Цепь

Київ
«Неопалима купина»
2014

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

М75

Можаровский А.И.

М75 Цепь. *Поэзии*. — К.: «Неопалима купина», 2014. — 368 с.
ISBN 978-966-2002-11-9

Поэзия Анатолия Можаровского — выход из времени в вечность, в новое измерение бытия, где главное не грубое и ложное восприятие материального мира, а то, что творится у нас в душе.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN 978-966-2002-11-9

© Можаровский А.И., 2014.
© Малюк М.М. предисловие, 2014.
© Урбанская С.Г.,
художественное оформление, 2014.
© Видавництво «Неопалима купина»,
2014.

ПОРВАТЬ ЦЕПЬ ПОСТСОВЕТЧИНЫ

*О будущем не говорят, будущее делают.
Будущее — это тщательно обезвреженное
настоящее.*

«Хромая судьба».
А. и Б. Стругацкие

Поток современной жизни проносится мимо, мы не успеваем за ним, мы — жертва этого темпа, движение тащит нас за собой. Мы не успеваем включиться, понять, разобратся, вмешаться, освоить и оценить события, мы едва успеваем запечатлеть сиюминутные впечатления, надобности, заботы, тревоги, страхи, которые тут же стираются новыми. Их мы не усваиваем, не храним, не накапливаем впечатления, не получаем опыта, не можем ими владеть, а лишь отражаем их смену как туманное зеркало. Отсюда — тоскливое чувство потери, невозвратимости мгновения, хаотическая разорванность жизни, в которой утрачена связь: прошедшее — настоящее — будущее...

Это смятение, эти тревоги очень точно и тонко улавливает и трансформирует в яркие поэтические образы Анатолий Можаровский. Его поэзия — выход из времени в вечность, в новое измерение бытия, где главное не грубое и ложное восприятие материального мира, а то что творится у нас в душе. Как поэт и мыслитель, сформировавшийся на философии христианства, Анатолий Можаровский видит трагедию современного человека в его сознательном служении дьяволам алчности и накопительства. Сделка с дьяволом в современном мире — повсеместна. Трудно найти человека, который был бы вне этой сделки. Бес попутал и опутал всех. Выстроена система, в которой невозможно шаг ступить не согрешив: вокруг идёт вибрация греха, и

каждый член общества, не желающий выпасть из человеческой связи, вынужден быть вместе с другими, охваченными вибрацией греха, и, естественно, совершает грех. Но одно дело — совершать грех, а другое дело — подводить под него идейные основания, то есть продукт недостойного мышления. А что значит — достойно мыслить? Не порождать в своих мыслях самоутешительных ложных состояний. В мировом философском опыте это символически обозначено как сделка с дьяволом. Подведение идеи под грех и есть продажа души дьяволу.

Постсоветское пространство, возникшее на территориях распавшегося СССР, заковано в цепи греха. Это, можно сказать, наиболее крупная и удачная за всю историю сделка дьявола с человечеством. Даже ужасающие преступления коммунизма — результаты предыдущей сделки — меркнут в сравнении с ужасами нынешней греховной жизни, которые прикрываются и оправдываются новыми идеями: либерализма, свободного рынка, общества потребления и т.д. Грех вновь совершается, и мало того, что под него подводятся идейные основания, из опыта греха ничего нельзя извлечь, ничему нельзя научиться, и следовательно, в будущем все это снова будет повторяться.

Поэт Анатолий Можаровский ищет этическую ответственность каждого человека за **другого**, ответственность за **каждое** унижение и оскорбление в мире. Его этика — это свобода, самоиспытание, индивидуальный путь, постоянное сомнение в правильности выбора, искренняя вера и непрекращающийся поиск Бога, понимание внутренней порочности, собственной греховности. Его поэзия предельно откровенна, искренна как исповедь кающегося человека. Иногда это шокирует, вызывает внутренний протест читателя, который ожидает от поэзии лёгкости, отдохновения, словесной игры. Поэзия Анатолия Можаровского требует соавторства вдумчивого читателя,

чтобы быть понятой — это доведённая почти до совершенства метафора современной жизни **как усилия во времени** со всеми, казалось бы, несущественными деталями, как, например, одинокий ворон в снежном вихре или туман над домом его детства, ибо для художника они равно достойная возможность проявить точность, благодаря которой эти детали обретаю́т силу художественного образа, обретаю́т вечность. Вообще для поэзии Анатолия Мажаровского ха́рактерна точная привязка к событиям, месту и времени, она сродни скрупулёзным дневниковым записям, в которых много личного. Авторское “я” как автономная, самостоятельная инстанция со своим видением мира максимально свободно от любого зашоривания, самоидеализации и позволяет художнику сознавать и признавать бесконечную сложность путей человеческого духа. “Искусство живо лишь до той поры, — писал в своё время Эзра Паунд, — покуда занято истолкованием реальности, то есть, покуда оно выражает что-то, задевшее художника намного сильнее и глубже, чем его аудиторию. Он подобен зрячему среди слепцов, которые готовы внимать ему лишь до тех пор, пока его слова подтверждаются его чувствами или кажутся им истиной. Если же он отвергает высокую честь быть истолкователем, если он говорит только ради того, чтобы наслаждаться звуками собственного голоса, аудитория какое-то время будет вслушиваться в эту невнятицу, в шелестение разукрашенных слов, но весьма скоро поднимется ропот, легкое брожение в рядах присутствующих — и вот перед нами столь знакомое положение вещей, предосудительнейший разрыв между искусством и жизнью.” Анатолий Мажаровский обладает особой восприимчивостью к социальным и политическим процессам в современной Украине и на постсоветском пространстве, и, собственно, в мире. Говоря о них, он проявляет интеллектуальную тонкость и прони-

цательность, делает то, что приносит пользу, высказывает то, что требует мужества, видит то, что прекрасно. Этим он и интересен как поэт.

Удивительно, но многие нынешние события Анатолий Можаровский предвидел.

Задолго до революции Достоинства, в которую перефос Евромайдан, он писал о назревающем в народе взрыве, провоцируемом тифанией зажравшейся власти, писал о необходимости менять систему управления государством и о люстрации чиновничьей рати, доставалось от него и оппозиционным лидерам, и продажным судьям, и бандитам-ментам. Его диагнозы болезней современного украинского общества всегда точны, он не говорит обиняками, не старается приукрашивать правду. Порой его стихи напоминают страстные речи библейских пророков, которые зывали к народам потерявшим страх Божий и погрязшим во грехах.

Когда-то Марсель Пруст высказал мысль, что наше прошлое отбрасывает от себя тень, которую мы называем будущим. Еще раньше Марат, один из руководителей французской революции 1789 года, заявлял: “Революции наполовину не бывает: она либо охватывает и меняет сразу все сферы, либо срывается. Все революции, память о которых хранит история, а также попытки революций в наше время потерпели крах потому, что революционеры лишь вписывали старые традиции в новые законы и во главе новой власти ставили старых руководителей”.

Мы построили своё государство в тени прошлого — бывшего СССР, отдав власть компартийным номенклатуристам, не запретив преступную компартию, а они, почувствовав безнаказанность, быстренько сбились в стаю с отъявленными преступниками и принялись откровенно грабить народ, одурманивая его идейками о независимости и свободном рынке. Новая сделка с дьяволом успешно заработала.

В новой книге Анатолий Можаровский в очередной раз пытается открыть нам глаза на правду, призывает окончательно порвать цепи постсоветчины, которыми мы намертво прикованы к прошлому, и наконец-то построить будущее, которое не станет копией прошлого.

Михайло Малюк

***

Мне цепь порвать свою
придётся самому.
Я грызть её буду,
и Луну
видеть в полноте красы.
Я цепь сгрызу,
потом ошейник весь,
и затопчу даже тот
след, где бегал на цепи
как пёс.
Но пёс хорош,
он по призыванию пёс,
а я лишь раб
дешевый и лакей,
я раб хозяина,
который
полон глупости
затей.
Реформы и эксперименты
по изгнанию вшей
из родины, где
звон цепей.
И бегают по кругу
холуи,
а цепь ржавеет,
трётся.
Оборви, уйди,
но раб кричит хозяину:
— Разрыв!
И цепь клепают молотком,
и мир
в душе раба.
А что ещё?
Была бы цепь цела.
Хозяин-барин,
но не господин:

не вышел внешностью
не только он один...
Они все на одно лицо...
С холопов, холуёв.
А кто ещё мог стать
хозяином вообще?
Когда загрызть нужно
было столько тел
и головы глотать
как антиген, чтобы
расчистить на стране
землю
под дом-дворец
и соловью
вогнуть картечь,
чтоб не сюсюкал ночью.
Обнаглел!
Мы слушаем дворцовую
дворню-попсу.
Она поёт нам —
куда там соловью!
И цепи с золота у них,
во всех, кто близок
стал к хозяину...
Утех,
утех, и в этом весь успех...
Жизнь для утех,
жизнь как успех!
А я грызу стальную цепь,
ломая зубы,
дёсна в кровь,
и ухожу через забор
до неба, километром вверх.
Вот это есть успех!
Такой забор...
Но я успел.
Ошейник съел...
Хозяин недосчитается раба.

Сорвётся криком
и корм урежет для других.
Но я пример дал.
И показал, что жизнь
другая наяву.
И я свободен вновь бегу
через стены бесконечных
нам преград.
Заборы, замки,
провода колющие,
наряд
и автоматы-самострелы в ряд...
А я бегу.
Где-то же есть
конец всему...

15.01.2014

***

Миру — мир!
Старый лозунг.
Диво див
с днём тем прошлым,
что тогда
и сегодня, как всегда.
Воют мины,
рвут снаряды
и ракеты рады-рады
из хранилищ — и армадой
по городам,
а там — пожаром, взрывом
и технологическим прорывом:
кнопка, спутник
и трупик
детский,
трупы женщин и детей,
стариков и молодых.
Трупы, кровь
и крик живых,
и раненных стон и крик.
Таков вот мир.
Это внешне
в теле-,
в прессе.
И привык мир
к войнам.
Здесь они идут всегда,
и планета Земля
принимает кровь
веками,
тысячелетиями.
И днями редкими —
вдруг — тихо.

Но мир стреляет лихо
в городах и селах,
режет ножами,
топит,
насилует детей.
А женщин?
Уже не удивляет.
Мир травит ядом,
бьёт машинами
и убегает...
“Миру — мир!” писали люди,
и верили, что чудо
вдруг свершится
рано утром.
Неуютно в мире этом,
даже если войны эхом
мимо дома
и страны.
Ложи,
лажи,
партштаны для диктатора
с карманом,
где сидят черти с базаром
о конкретном, пацаньячем.
Секты,
общества,
структуры
“сильных” мира,
что все в страхе
при охране
и при вяке, что за них
пресс-секретарь
секретует,
а там дыр,
в тех структурах,
а с них — запах
трупов,